

получает. Но *Аристотель*, сообщая об элементах-качествах, ничего подобного и не обещал. *Демокрит* с его атомами тоже не обещал.

Не только естествоиспытатели, но и философы XVII столетия сводят счеты с мироучением великого грека. Особенно гневен *Лейбниц* по отношению к «варварской философии» скрытых качеств, похожих на каких-то демонов или домовых, которые способны беспрекословно выполнить все, что от них потребуют, — как если бы часы указывали время благодаря некоей часопоказывающей способности, не нуждаясь ни в каких колесиках, или как если бы мельницы мололи зерно благодаря какой-нибудь там размалывающей способности, нисколько не испытывая нужды в таких вещах, как, скажем, жернова (1936, с. 63—64). Но и здесь критика попадает лишь в «варварскую философию». Ни в коем случае не в *Аристотеля*, отнюдь не физика в его учении об элементах, а метафизика; метахимика — не химика. В этом все дело.

Ньютон как будто лучше всего понимал *Аристотелеву «тетрасомату»* — не в качестве отправной точки для причинных объяснений, а в качестве конвенциональной феноменологической констатации (Зубов, 1963, с. 314). *Роберт Бойль*, критикуя гипостазирование отвлеченных понятий — элементов — действующих сил — весь теоретический арсенал «схоластической химии», — сомневается в главном: а есть ли все это и в самом деле в *аристотелевских* текстах (Boyle, 1772, с. 451). Начинался расстриг обрешенного *Аристотеля*.

Аристотель — тысяча лет искусства *Гермеса* — *Бойль*.

Чем же была заполнена эта тысяча лет? Алхимизированным *Аристотелем*? Посмотрим.

А, может быть, не нужно было бы этого алхимического тысячелетия? Может быть, вслед за учениями *Платона* и *Аристотеля* о четырех первичных элементах-стихиях, носителях *четырёх* фундаментальных свойств всех веществ, мог появиться *Бойль*, вовсе не самоутверждаясь на отрицании алхимического тысячелетия? Нет, ибо натурфилософской древнегреческой идеализации было недостаточно, чтобы выйти на идеализацию научную, а *миксиса Аристотеля* мало для обоснования целенаправленного смещения во имя конструкций веществ с заданными свойствами. Могла существовать лишь техника механического смешивания с ускользающими от глаз подлинно химическими превращениями, бывшими всегда случайными. Так, собственно, и было: была практическая химия, обходившаяся без и вне натурфилософских умозрений. Выходы в химию как науку были наглухо перекрыты. Нужна была середина: средние века в культуре, а вместе с нею и алхимия с ее новым видением теоретико-опытной («смешивающей») идеализации в отсутствующем «химическом» оперировании с веществом.

Элементы-стихии следовало перетасовать, перемешать не мысленно, а руками. Иногда и... количественно перемешать. Но как это сделать? Сначала переименовать, причем так, чтобы новые имена стали вещественней старых. Перепутать и не ужаснуться этой путаницы, не узнать путаницу в путанице, а если и узнать, то объявить ее новой предпосылкой.